

Нинель

"Ах, Нина, Ниночка, Нинель..."

Именно так загадочно и непривычно ее имя звучало при жизни, а после смерти осталась в памяти лишь удивительная история Нинель.

Она была незаконнорожденной дочерью молодого красавца-офицера и цыганки. Дитя любви военных лет. Офицер с войны не вернулся, а юная цыганка разыскала семью возлюбленного и отдала малютку старшей сестре погибшего. Жизнь шла своим чередом, любовь с Константином по понятным причинам не сложилась, а обременять себя заботами о крошке в неполные шестнадцать лет она не собиралась. Ничего, кроме имени и, как впоследствии выяснилось, особой завораживающей красоты, мать дочери не дала. Так на свет появилась Нинель.

Анна, родная тетка малышки, поставленная судьбой перед фактом, вынуждена была теперь заменить ей мать. Она была молода, хороша собой, жизнь и быт ее были устроены наилучшим образом, поэтому новые обязанности оказались для нее не совсем привычными. Будучи замужем за большим человеком, она страдала лишь оттого, что не могла подарить ему ребенка. И когда в их доме появилась Ниночка, она успокаивала себя тем, что теперь-то уж придраться не к чему — полная образцово-показательная счастливая семья. Муж Анны, полковник НКВД Ковалев, был намного старше супруги, часто отсутствовал из-за неотложных государственных дел, подолгу бывал в командировках в Москве и очень обрадовался появлению девочки. Теперь-то его Анна может полностью реализовать себя, а реализовывать ей было что.

Аристократка до мозга костей, Анна родилась еще в дореволюционной России в интеллигентной семье. Литература и музыка, иностранные языки и точные науки, живопись и театр — вот далеко не полный перечень интересовавших ее предметов. Получив хорошее образование, разносторонне развитая девушка работала в школе преподавателем истории и немецкого языка. Выйдя замуж за Ковалева, Анна с радостью оставила опостылевшую работу. Не престоало жене начальника, лично знакомого с самим Берией, заниматься такой ерундой. Теперь были дела поважнее: приемы, премьеры и выставки, портнихи и парикмахеры, меха и бриллианты, модные шляпки и горжетки, личный водитель и служебный автомобиль — все это вошло в ее повседневную жизнь. Вот уж где могла она блеснуть свои-

ми обширными познаниями и продемонстрировать утонченный вкус. Та-кая жизнь пришлось Анне по душе, здесь она была на своем месте.

Но однажды Ковалев затронул тему, на которую ей меньше всего хоте-лось с ним разговаривать. Детская матка, неспособность к воспроизводст-ву потомства — вот безжалостный приговор, вынесенный врачами. Су-пруг даже поднял вопрос об усыновлении ребенка из детдома, и вот судь-ба преподнесла такой подарок! Ниночка! Тем более, дочь покойного бра-та, родная кровь (цыганская кровь почему-то в расчет не бралась) — тут уж сам Бог велел взять девочку и воспитывать как родную дочь. Единст-венное, чего категорически не хотели Ковалевы, чтобы люди узнали о ее истинном происхождении, поэтому в ближайшие планы полковника вхо-дило сменить место жительства, переехать, притом — как можно скорее.

Перевелся он в Одессу. Этот удивительный город давно пленил его сердце, и теперь, воспользовавшись своим положением, он был полностью удовлетворен жизнью: уютный особнячок в тихом переулке, ведущем прямо к морю, любимая женщина и очаровательная дочурка. Да уж, види-мо, сей орденоседец действительно заслужил и это простое человеческое счастье — прекрасную семью.

Уж такой это был человек — признавал он только все самое лучшее. Касалось это всего: еды, женщин, отдыха. И когда на склоне лет в жизнь Ковалева вошла Ниночка, он просто неистово баловал девчущку. Лучшие наряды, дорогие игрушки, кремлевские елки с чудо-подарками, ежегод-ные поездки в престижные здравницы и санатории Крыма, отдых в При-балтике и красоты Грузии — все это сполна получила Нина еще в детстве от благодарного судьбе отца. Училась она, конечно, также в лучшей шко-ле, с углубленным изучением иностранных языков.

Поначалу учеба давалась легко, и Нина радовала родителей своими успехами. Затем был привезен шикарный концертный рояль, и Анна воз-зила ее в музыкальную школу, где помимо обязательных Нина брала уро-ки вокала. Ковалев верил, что дочь может сделать большую карьеру, и не жалел ни сил, ни средств для воплощения своих надежд в жизнь. Профес-сор консерватории раз в неделю посещал дом Ковалевых и более часа за-нимался с юным дарованием.

Однако Нине вскоре надоели скучные арпеджио и гаммы, и она изъя-вила желание попробовать себя в танце. Единственная в городе хореогра-фическая школа распахнула двери перед избалованной красоткой. Но строгая дисциплина и колоссальные физические нагрузки резко отби-ли охоту быть прима-балериной. Анна пыталась увлечь девочку чтением,

подробно рассказывала об интересных моментах истории, водила на литературные вечера и концерты. Нина послушно ходила повсюду, но слушала вполуха, зевала, и вообще, всем своим видом показывала, что ей бесконечно не интересны все эти разговоры о возвышенном и прекрасном. Что-то иное влекло ее, но она сама еще не подозревала, что именно. Нина могла часами стоять у зеркала, глядя на свое отражение. Она не просто любовалась собой, казалось, девочка была где-то далеко-далеко и в потаенных мыслях. С отцом у Нины были доверительные отношения, но даже ему никогда не раскрывала она своих секретов.

* * *

Впервые увидела я ее восемнадцатилетней девушкой. Мне тогда едва исполнилось тринадцать, и родители привезли меня на летние каникулы в Одессу. Дальняя родственница, Анна, недавно овдовевшая, пригласила на море всю нашу семью, однако мои родители работали и не могли, конечно же, себе позволить такой роскоши. Но и упустить эту возможность было бы глупо. Поэтому решили отправить к тетке меня. Подъезжая к дому Анны, я даже не могла себе представить, что буду жить в таком чудесном месте. Обычные люди в таких домах не жили, тем более мои знакомые. Папа представил меня родственнице, мама обменялась с ней любезностями и начала выкладывать из сумки нехитрые гостинцы.

Что и говорить, именно в тот день я прочувствовала на себе смысл выражения "бедные родственники" в полной мере. Покровительственный тон разговора с моими родителями неприятно резанул ухо, ее высокомерие и намеренно подчеркнутые аристократические манеры сразу начали действовать мне на нервы. "О, Боже! Неужели я должна буду провести все свое лето у этой зануды? Ну уж нет! Не выйдет!" И только я решилась все это высказать родителям, как Анна менторским голосом велела мне идти в сад и помочь Нине. О ее дочери я слышала кое-что дома, но особо в подробности не вдавалась: она-то деваха взрослая, ей-то уж точно не до меня.

Спустившись с террасы по лестнице в сад, я увидела картину, навсегда вошедшую в мою память: на низенькой скамеечке перед огромной миской со спелой сочной вишней сидела девушка и вынимала шпилькой косточки. Я смотрела на это лицо и не могла отвести взгляда. Я стояла, как околдованная, и не могла налюбоваться ею. Кстати, с прямым значением слова "ненаглядная" я столкнулась тогда же, в первый и, наверное, в последний раз.

Длинные густые иссиня-черные волосы струились по ее мраморной шее и ниспадали на грудь, нежный румянец светился под персиковой ко-

жей лица, слегка удлинённый нос с горбинкой выдавал породу, а пухлые чувственные губы были припачканы свежим вишневым соком. Но самое сильное впечатление произвели тогда на меня ее редкой красоты длиннющие ногти, ярко-красный цвет которых удивительно гармонировал со всей этой картиной. Это неземное создание ловко орудовало своим приспособлением. Заметив меня, Нина кивком головы пригласила присоединиться и вдруг сказала: "Как мне осточертела эта вишня! Ненавижу все эти варенья, соленья! Сделала из меня какую-то Золушку, и я должна сидеть здесь целый день, ковыряясь в этом дерьме!".

Я просто опешила... Оказывается, это не видение, не мираж, а самая обыкновенная девушка, Нина, да еще к тому же моя какая-то там ...юродная сестра!

В Нине я видела теперь не столько божество, сколько союзника. Ей тоже, оказывается, не нравятся правила и порядки Анны! Здорово! Ведь вдвоем нам будет легче противостоять ей. Никогда еще я не чувствовала себя такой счастливой: у меня взрослая сестра, да к тому же такая красавица!

Все лето Нина брала меня с собой на пляж. Сделав с утра все домашние дела, мы могли до обеда наслаждаться солнцем и морем. Только почему-то обычно наслаждалась одна я. Нина, вернее, Нинель, как ее называли все знакомые ребята, приводила меня к двум шарам (местная достопримечательность пляжа Ланжерон), подсаживала к своим приятелям, велела подолгу не сидеть в воде и куда-то уходила. Иногда она отсутствовала недолго, а иногда приходилось ждать ее несколько часов. Я неловко чувствовала себя среди взрослых друзей Нины, смущалась, когда они целовались или обменивались мнениями насчет той или иной девушки, появившейся на пляже, и делала вид, что усердно читаю.

Из их разговоров я поняла, что у Нины роман со спасателем, работавшим на лодочной станции. Это было так романтично, на мой взгляд. Нина возвращалась под всеобщее улюлюканье и свист ланжероновской публики, забирала меня, и мы шли домой. По дороге она рассказывала мне, что помогает дежурить одному спасателю, Анатолию, говорила, что это очень ответственное дело, требующее внимания: ведь спасатель заплывает на своей лодке за буйки и оттуда следит за порядком на воде. Я ей очень завидовала. Нина обещала как-нибудь дать посмотреть мне в настоящий бинокль, если я не стану ничего рассказывать ее матери. На этот счет она могла даже не беспокоиться — ведь и меня могли со временем приобщить к столь важному делу — спасению утопающих.

Лето промчалось быстро. Меня забрали домой, и началась учеба. Весь

год я жила воспоминаниями о лете, о Нине. Она даже прислала мне открытку к Новому году. Я носилась с ней, как сумасшедшая. Закончив на отлично седьмой класс, я надеялась снова попасть в Одессу. Но выяснилось, что Нина готовится к поступлению в университет, и принять меня не могут. Слезы душили меня несколько дней подряд. Ну зачем ей этот университет? Разве плохо было ходить на море, спасать людей? Но делать было нечего. Лето я провела в деревне у бабушки. На этот раз и к Новому году от Нины ничего не было.

Через год я снова заикнулась об Одессе, но оказалось, что у Нины родился ребенок, и конечно, там не до меня. Так я и не стала помощником спасателя...

* * *

Судьба распорядилась так, что вышла замуж я за одессита, родила дочь, и вообще, прочно обосновалась в Одессе. Совершенно случайно мы с Ниной встретились вновь. Она разошлась с мужем и воспитывала сына самостоятельно. Анна к тому времени жила отдельно, и сестра пригласила меня к себе.

Как выяснилось, Нина действительно поступила в университет, однако сразу же оставила учебу, не проучившись и года. С появлением малыша Анна еще кое-как смирилась, но с мужем дочери Витькой, бездельником и выпивохой, ужиться никак не могла. Им пришлось разменять Ковалевский особнячок на две отдельные квартиры в разных концах города. Анна больше не вмешивалась в семейные дела Нины, но внука Олежку часто брала к себе. Пьяные разборки Виктора, его друзья-собутыльники — лучшее, что она могла сделать, — оградить ребенка от дурного влияния отца.

Олег рос слабеньким, но смышленным мальчуганом. Смуглолицый, с огромными глазищами, со жгуче-черной копной волос, он походил на цыганчонка. Бабушка занималась с ним немецким языком, читала добрые сказки, водила в театры и в филармонию. Но больше всего Олег любил бывать в зоопарке. Особое восхищение вызывали у малыша лошади. Он катался на них часами, вызывая нетерпение Анны. Гладил их шелковистые гривы и целовал в носы, знал всех по именам и любовался ими. А еще каждый год летом они вместе ездили к сестре Анны в Ленинград и подолгу там гостили. Эрмитаж и Петродворец, Царскосельский лицей и Летний сад, мосты и каналы — история родного города была любимым коньком Анны. Но мальчик скучал в музейных залах, равнодушно осматривал памятники архитектуры и истории, изнывал от тоски на столичных спектак-

лях. Оставаясь под постоянным контролем бабушек, Олег устремлял взгляд внутрь себя и уходил в мир собственных фантазий...

Нина оставалась все такой же умопомрачительной красавицей. По мнению одного из многочисленных поклонников, ювелира Миши, Нинель была похожа на итальянскую кинозвезду Джину Лоллобриджиу. Как-то на шумной вечеринке у общих друзей он подарил ей королевского серебристого пуделя с золотым ошейником. Нинель поцеловала собачку и сразу придумала ей кличку — Джина. Какой чести была удостоена кинодива! Теперь красотка знала себе цену и по мелочам не разменивалась.

А еще через какое-то время очередной любовник устроил Нину в торговлю. В самом сердце города, на легендарной Дерибасовской, было замечательное кафе "Снежинка". Нинель стояла на весах с креманкой и лихо обслуживала клиентов. Место было и вправду доходным — проблем с деньгами у Нины не было. Никаких. Любой дефицит, валюту, шмотки, золото — все это можно было теперь достать, обратившись к Нинель. И обращались. Об аферах и баснословных суммах, проходивших через ее руки, ходили легенды. Но она всегда выходила сухой из воды, и ничего не боясь, продолжала делать дальше свои дела. Я слышала даже о том, что особенно любопытные людишки специально приходили в кафе поглазеть на Нинель. Каждый вечер находились желающие подвезти ее после работы домой. Она выбирала наиболее достойный объект, позволяла себя сопровождать, приглашала на "рюмку кофе"...

В общем, жизнь была ключом. Изобилие и достаток, казалось, навечно поселились в доме Нинель. Рестораны и дорогие автомобили, круизы и валютные бары, могущественные друзья и влиятельные любовники — именно об этом мечтала Нина, сидя на низенькой скамеечке в саду, когда часами вынимала косточки из вишен...

* * *

Когда мы хоронили Нину, ничего уже не напоминало о ее былой красоте. Вонь, грязь, груды мусора и полчища тараканов — вот и все, что осталось от ее некогда роскошной квартиры: вместе с последним сожителем, уголовником Валерой, Нинель распродала остатки своего имущества. Страшно признаться — у нее не осталось даже нижнего белья. Ничего и никого не было и вокруг. Только несколько безобразных старух, шамкая беззубыми ртами, негромко перешептывались: "Срамота-то какая! Допилась Нинка-то — и похоронить не в чем!".

Олег, единственный сын Нинель, уже второй год покоился на кладби-

ще — ему отрезало трамваем голову, когда он мчался на своем стальном скакуне-мопедке навстречу смерти. Нет, в тот день не было передозировки, просто шел обычный одесский трамвай... Анна не перенесла тяжелой утраты — смерти любимого, несмотря ни на что, внука — и вскоре ушла вслед за ним. И только маленькая старая облезлая собачка Джина вертелась под ногами у провожавших Нинель в последний путь.

* * *

Я стояла у гроба сестры и смотрела на ее ногти с засохшей под ними грязью, но почему-то видела все ту же картинку из детства: скамеечка, миска с вишней, шпилька, косточки и длинные, поразительно красивые ногти ярко-красного цвета.

